

Прокопьева Марина Юрьевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии
Курганского государственного университета

Блынский Виктор Олегович

магистрант философского факультета
Уральского федерального университета

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ СТРАХИ В КАРТИНАХ МИРА

Аннотация:

В статье предпринята попытка философско-антропологической трактовки страха. Страх рассматривается в исторической перспективе, т. е. в сменяющихся картинах мира (мифологической, религиозной, философской, научной), соответственно, выделены экзистенциальные страхи, которые представлены как страх перед временем, пространством, утратой Я, непостижимостью жизни. В каждой из форм экзистенциального страха акцент делается на его рациональный и иррациональный аспекты. В мифологической традиции это прежде всего страх перед возвращением к Хаосу или страх перед временем. Философская картина мира предпринимает попытку структурирования пространства, тем самым устанавливая некие границы (онтологические и аксиологические), вызывающие у человека страх перед пространством. В религиозной картине мира происходит смещение акцента на персону всемогущего Бога, возникает страх перед утратой своего Я. В научной картине мира появляется страх непостижимости жизни, порождая тем самым страх своих мыслей, так как теряется контроль над пространством, временем и жизнью.

Ключевые слова:

страх, экзистенциальный страх, человек, картина мира, мифология, философия, религия, наука, время, пространство, Я, жизнь.

Prokopyeva Marina Yuryevna

PhD, Associate Professor,
Cultural studies Department,
Kurgan State University

Blynsky Viktor Olegovich

Master's Degree student, Philosophy Department,
Ural Federal University

MAN AND HIS EXISTENTIAL FEARS IN PICTURES OF THE WORLD

Summary:

The paper attempts a philosophical and anthropological interpretation of fear. Fear is viewed from a historical perspective, i. e. in changing world pictures (mythological, religious, philosophical, scientific), existential fears are highlighted accordingly, which are represented as fear of time, fear of space, fear of the loss of Self, fear of the incomprehensibility of life. In each of the forms of existential fear, the emphasis is on its rational and irrational aspects. In the mythological tradition, this is primarily a fear of returning to Chaos or a fear of time. The philosophical picture of the world attempts to structure space, thereby establishing certain boundaries (ontological and axiological) that cause a person to fear space. In the religious picture of the world, there is a shift in emphasis on the person of Almighty God, there is a fear of losing one's self. In the scientific picture of the world, there is a fear of the incomprehensibility of life. There is a fear of your thoughts, because you lose control over space, time and life.

Keywords:

fear, existential fear, man, worldview, mythology, philosophy, religion, science, time, space, Self, life.

Приступая к рассмотрению понятия страха, необходимо обратиться к той традиции, за которой сегодня закрепился статус самостоятельной научной дисциплины и которая, так или иначе, влияет на обыденное представление о человеческих аффектах, мыслях и поведении. Мы начинаем свое рассмотрение феномена страха с обращения к психологической науке как к корпусу знаний, репрезентирующих человеческую жизнь в научно-терминологическом аспекте. Так, современная психология определяет страх как базовую эмоцию человека и полагает его как негативное состояние, вызванное внутренними или внешними факторами.

Причины внешнего страха ситуативны, видимы, поэтому они легче преодолимы. Сам страх находится во внешнем мире, где есть предметы, обладающие способностью вызывать страх (люди, хищники, землетрясения, пожары, войны и т. д.). Причины внутренних страхов, во-первых, являются психологическими, сопровождающимися неуверенностью, неизвестностью, растерянностью, ожиданием ненужного и неприятного для человека. Во-вторых, экзистенциальными, которые имеют метафизический характер, связанный с сущностью человека. Это может быть страх Божий, страх перед смертью и прочее.

Так, А.И. Захаров определил страх как эмоционально заостренное отражение в сознании конкретной угрозы для жизни и благополучия человека. По мнению исследователя, страх осно-

ван на инстинкте самосохранения, имеет защитный характер и сопровождается физиологическими изменениями высшей нервной деятельности, что отражается на частоте пульса и дыхания, показателях артериального давления, выделении желудочного сока [1].

Американский исследователь человеческих эмоций Кэррол Изард отделяет феномен страха от комплекса тревожного состояния и разрабатывает свою теорию дифференциальных эмоций, в которой он определяет страх как базовую эмоцию человека [2, с. 210]. Так, страх является врожденным эмоциональным процессом, который определяется сложным генно-физиологическим комплексом. В этом отношении к причинам страха он относит как реальную, так и воображаемую опасность. Небезынтересно в этом отношении замечание К. Изарда об особой педагогике страха: «Если родители постоянно реагируют на определенные стимулы страхом, то велика вероятность того, что эти стимулы будут вызывать страх и у их ребенка» [3, с. 231].

Здесь мы обращаем внимание на столь неоднозначное определение страха, репрезентируемое в научной перспективе: с одной стороны, страх обусловлен некоторым объективным физическим источником, с другой, он внушаем посредством коммуникативного взаимодействия.

Сохраняя данное противопоставление внешнего и внутреннего психического мира человека, мы предпримем попытку рассмотрения страха как культурно-физиологического феномена, вписав его в структуры, позволяющие провести как более детальное, так и более образное его рассмотрение, что поможет прояснить специфику страха, основанную на философско-антропологических установках и позволит рассмотреть феномен страха в более обширной и наглядной перспективе.

Феномен страха до сих пор остается состоянием, усвоить которое субъект страха оказывается радикально не готов, даже если он был заранее осведомлен об его источниках. Это положение дает нам право представить феномен страха в различных перспективах, чтобы проследить особенности его продуцирования и следствий исходя из рассмотрения различных онтологических установок – картин мира (религиозной, философской и мифологической).

Итак, страх в переводе с греческого – «фобос», т. е. ужас, боязнь, бегство. Экзистенциальная философия пытается понять страх как условие становления подлинного человеческого существования или как утрату принадлежности человека миру. Чаще всего страх воспринимается как отрицательно окрашенный эмоциональный процесс. Однако мы можем говорить и о положительной коннотации этого понятия. Здесь речь идет о понимании его рационального и иррационального аспектов.

Рациональное понимание страха – это его логическое объяснение, обращенное к разуму человека, обеспечивающее тем самым мобилизацию его жизненных сил на преодоление страха в формах мужества, смелости, решительности, ответственности или, наоборот, может формировать противоположные качества – трусость, малодушие, нерешительность, боязнь ответственности, чувство стыда и вины. Иррациональное происходит с помощью эмпатии, эмоциональных и телесных способов понимания страха, оно также влечет появление как отрицательных, так и положительных эмоций.

Место рациональному и иррациональному при переживании страха определяется человеком в пограничном состоянии. Экзистенциальное пограничное состояние ведет человека к смерти или ставит его перед лицом смерти, Ничто. Страх перед Ничто, небытием толкает человека на постижение бытия как такового, осознание своего места среди сущего, ответственность за свой выбор. М. Хайдеггер подчеркивает, что отрицание и нет существуют только потому, что существует Ничто. «Будем утверждать, – говорит он, – Ничто первоначальнее, чем нет и отрицание. Если этот тезис обоснован, то возможность отрицания как действия рассудка и вместе с нею сам рассудок зависят неким образом от Ничто» [4, с. 19].

Рассматривая вопрос о том, где нам искать и как найти Ничто, М. Хайдеггер приходит к выводу о том, что «ужасом приоткрывается Ничто» [5, с. 21], ибо в ужасе «земля уходит из-под ног» и человек проваливается в пустоту, в бездну. Стояние человека перед Ничто философ понимает как безпорность человеческого существования, которая имеет как рациональное, так и иррациональное начало. Тут уместны воспоминания Федора Достоевского об исполнении смертного приговора над «петрашевцами», переданные его героем, князем Львом Мышкиным, в романе «Идиот»: «Неизвестность и отвращение от этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны; но он говорит, что ничего не было для него в это время тяжелее, как непрерывная мысль: «Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, – какая бесконечность! И все это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту в целый век оборотил, ничего бы не потерял...» [6]. Страх парализует человека в определенный момент Ничто, но лишь он отступает – отпускает и «паралич».

Ничто характеризует страх в его сущности. Страх просто необходим человеку, чтобы понять бессмысленность и размеренность его бездумного существования. М. Хайдеггер утверждает, что «страх лишает личное бытие возможности, отдаваясь, понимать себя исходя из мира

и расхожих толкований. Он отбрасывает личное бытие к тому, чего оно страшится, к его собственной способности-бытия-в-мире» [7, с. 141]. По мнению Кьеркегора, «страх – это головокружение свободы. ... В страхе содержится эгоистическая бесконечность возможного, которая не искушает, подобно выбору, но настойчиво страшит своим сладким устрашением» [8, с. 160–161]. В страхе человек понимает, что его ценности ошибочны, он целиком опирается на самого себя, в этом и проявляется его истинная свобода. Отличительной чертой человека мы можем назвать осознание им своих возможностей, он постоянно их ищет и представляет, пытаясь реализовать их в творческом акте, который является только в свободе. Следовательно, страх для человека – это реализация себя в подлинном существовании. Так, Ж.-П. Сартр выделяет два вида страха: страх экзистенциальный и страх перед самим собой, последний обусловлен страхом выбора. Жизнь человека состоит из последовательного множества выборов, начиная от выбора между жизнью и смертью и в дальнейшем всегда – между добром и злом. По мнению А. Камю, страх можно преодолеть осознанием абсурдности жизни, проявляющемся в метафизическом бунте.

Экзистенциализм различает страх и боязнь, где страх связан с психологическим внутренним страхом, а боязнь – с внешним страхом. Мы можем сказать, что источник боязни всегда определен, страх же проявляется в неопределенности [9].

Как мы видим, экзистенциализм наиболее грамотно улавливает и репрезентирует специфику страха, определяя ее как Ничто или состояние не в бытии не в не-бытии, т. е. в зоре между ними, а по существу, представляет собой субъекта речи. Таким образом, мы рассмотрим точки интенсивности страха, которые представлены как страх перед временем, пространством, утратой Я, непостижимостью жизни. Все эти страхи в той или иной степени характерны для разных картин мира, которые выделяют в истории культуры.

Мифологическая картина мира, характерная для архаичных обществ, пыталась объяснить сущность мира: его происхождение и развитие, место человека в нем. Для человека характерно целостное динамически равновесное синкретическое миро- и самоощущение, которое логически замыкает пространство и время (хотя как в мифологии, так и в античной философии о данных категориях, в привычном для нас понимании, говорить некорректно). Хаос, неупорядоченность, неустроенность становятся главной причиной порождения страха. Мир слишком сложен и многообразен, поэтому человек, в силу своей неразвитости, не знает о нем ничего. Это порождает не только боязнь человека перед миром, но и экзистенциальный страх, который человек еще не может сам себе объяснить, страх перед временем, связанным с жизнью и смертью.

В античной мифологии страх проявлялся в мифе о боге Пане (отсюда – панический страх), который родился с козлиными рогами, ногами и длинной бородой. Его мать, нимфа Дриопа, увидев сына, в ужасе обратилась в бегство. Г.-В.-Ф. Гегель указал, что Пан есть неопределенное начало, которое, соединяясь с моментом субъективности в процессе постижения людьми скрытого смысла происходящих событий, рождало «общий трепет в лесной тиши» [10, с. 263]. В Спарте существовал храм страха, тем самым появляется аксиологический контекст страха, который становится категорией морали и укореняется в античном менталитете как стыд, боязнь общественного мнения, бесчестие.

Антропоморфизм и социоморфизм мифологии подтверждает страх человека выйти «за пределы» (за границы) своего существования. Страх перед возвращением к хаосу проявляется в различных табу, нарушение которых может повлечь за собой разрушение порядка, либо наказание – смерть. Наверное, поэтому у первобытного человека экзистенциальный страх принимал самые различные формы: от образов хтонических чудовищ до вселенских стихий, которые пытаются разрушить мироздание, миропорядок, жизнь человека.

Помимо описаний событий, важных для людей, в мифологической картине мира утверждалась принятая в обществе система правил и ценностей, которые в основном носили запретительный характер, т. к. человек за то или иное деяние боялся «кары богов». Поэтому и надеяться он мог только на сверхъестественные силы, но в то же время и испытывал страх перед ними. Однако человек визуализирует свои страхи в чувственные образы посредством художественного творчества, что делает их более приземленными и понятными. Данный переход из сферы сакрального в сферу профанного приводит к трансформации страхов в культурные символы. Появляются мифы о героях, которые борются с чудовищами и даже уничтожают их, пытаются преодолеть страх Смерти или страх перед временем.

Философия, зародившись в Античной Греции около V века до н. э., еще очень плотно соприкасается с мифологией. Однако новое социальное пространство, полис, создает необходимость рационального характера видения мира, что требует структурировать и гармонизировать его, опираясь на философско-умозрительные постулаты. Упорядоченный и умопостигаемый Космос здесь регулируется уже не самой волей богов, а жидется на основаниях устойчивого закона

(Nomos), подкрепляемого как письменным, так и устным фиксируемым словом, которое выступает главным инструментом, регулирующим жизнь в социальном пространстве. Задаваясь вопросом о феномене границы и вводя концепт «чистого» и «нечистого» как исключения, выходящего за пределы полиса, Мишель Фуко пишет: «Мощное развитие дионисийского культа привело [...] к пересмотру религиозных структур и к сосуществованию традиционных божеств с этими культами» [11, с. 202]. Так, европейский человек, находясь уже на ранних этапах развития философской картины мира, занимает в нем определенное положение и должен соответствовать его установкам. Нарушение их или мысль о потенциальном нарушении влечет за собой весьма иррациональный, но вполне основательный страх (быть изгнанным из полиса, ослепленным, отлученным от политических дел). Так, в античности определенные страхи продуцируются относительно нарушения рационального установления, границы закона и его преступления. Самым ярким примером такого нарушения мы можем назвать софокловского Царя Эдипа.

В более поздней греческой мысли предпринимается попытка перейти за-предел (границу), от мира вещей к миру идей. Так, римские стоики учат побеждать страх смерти, посредством возвышения над ним. Об этом пишет Сенека: «Одинаковое безумие – бояться того, что не принесет страданий, и того, что нельзя почувствовать. Неужели кто-нибудь думает, что может почувствовать ту, благодаря которой перестают чувствовать?» [12, с. 108]. Предел или граница в мыслительном контексте задает некую условность содержания, наличие этой границы в поздней античности является указанием на то, что смысл находится «по ту сторону», что в неоплатонизме проявляется в качестве идеи разрыва порядка видимого представления (соединение с Мировой Душой – Богом). Из этой идеи трансгрессии складывается христианская метафизика. Появление границы и выход за-предел ведут к становлению раннего христианства, характерной чертой которого является дуализм души и тела, а также выход за эти пределы. А.Ф. Лосев [13, с. 85–86] постоянно указывал на тот факт, что с появлением абсолютной личности в христианстве возникает историческое измерение и возможность всякой сознательной рефлексии.

Таким образом, происходит смещение акцента на персону, рефлексия которой становится основной категорией, определяющей философско-теологическую картину мира. Отсюда возникает страх перед утратой своего Я, того, кто призван быть в ответе за свои грехи перед Богом, отождествляемым с Логосом, и поэтому «Вездесущим». Субъект христианства постоянно находится под чутким контролем со стороны Другого, явленного ему Откровением. Страх в первую очередь происходит перед гневом Божьим и его Страшным Судом, а не перед какими-либо материальными факторами, поэтому сам страх становится экзистенциальной категорией личности. Так, Бытие страха является неопределенным, безместным, а это уже не условный рефлекс или физическая опасливость.

Так, в мире человека кроме боязни (страха физического) появляется и Страх Божий. Страх выполняет не только негативную функцию (лишает какой-либо добродетели), но и позитивную (воспитательную, практическую, предупреждающую).

В эпоху Ренессанса происходит расширение пространства, т. е. осознание беспредельности бытия. Человек ощущает телесно-чувственную полноту жизни не как атрибут Бога, а как следствие естественных страстей и деятельности человека.

В эпоху Нового времени, которое неразрывно связано с возникновением научного знания, картина мира накладывает новые обязательства на попытки толкования чувственных аспектов души. Здесь подход к аффекту и его рассмотрению должен производиться посредством рационалистического метода описания, для которого характерно выстраивание строгой логики. Однако, в отличие от средневековой схоластики, данная логика оказывается не ограничена догматичным прочтением библейских постулатов, что позволяет ей производить анализ индивидуальных акциденций.

Так, понятие страха впервые эксплицируется Спинозой в его трактате «Этика» как негативный аффект души, сила которого проистекает не из случайного положения вещей, а из памяти о вещах прошедших [14, с. 156]. Далее аффект страха трактуется как неудовольствие души, что с ее стороны свидетельствует о недостатке познания и бессилии [15, с. 256]. По Спинозе, страх – это предположение о том, что «могущая наступить вещь, дурна. И в этом смысле страх является противоположен уверенности» [16, с.73]. Однако эта противоположность должна пониматься нами в их связности, а не в строгой контрарности и исключении одного другим.

Продолжая рассмотрение природы страха в рационалистической традиции, нужно вернуться к тем интуициям, которые послужили основанием для построения декартовского метода, явившегося основанием для утверждения научной картины мира. Примечательно, что у Декарта намечается параллель рассуждений о страхе, с одной стороны, как феномене сугубо физикалистском, а, с другой, как о форме деятельности души, не зависящей от состояния тела.

Когда Декарт говорит о феномене страха в механицистской перспективе как об определенной реакции на внешний стимул, природа которого имеет характер неудовлетворенности, страх понимается мыслителем как помеха, провоцирующая собой программы организма. Но при более тонком философском рассмотрении страх, трактуемый в негативном аспекте, также есть причина к декартовскому наступлению и утверждению на пути познания. «Но чтобы вы не отказались более смело идти вперед, я предупреждаю вас, что сомнения, кои с самого начала внушили вам страх, подобны призракам и фантомам, являющимся нам по ночам при слабом и обманчивом свете; если вы станете от них убежать, ваш страх останется с вами; однако, если вы приблизитесь к ним как бы с намерением их коснуться, вы обнаружите, что это не что иное, как воздух и тени, и в дальнейшем будете чувствовать себя уверенней при такой встрече» [17, с. 164].

Так, исходя из позиции страха, порождающего сомнения, субъект Декарта утверждается в достоверности и открывает путь к истине, которая удостоверяется непротиворечивостью логики исследования. Истина становится тождественна достоверности, что позволяет ей проходить по ведомству измерения и подсчета, а стало быть, продуцироваться в научной перспективе, пользуясь логическим аппаратом. Отсюда становится возможным исследование различных феноменов души, их классификация и рассмотрение в отрыве от источника их производящего.

Так, страх, послуживший основанием на пути к становлению научного знания, может быть вписан в сам фокус научного изучения, однако стоит заметить, что здесь он трактуется только как следствие, т. е. причина его возникновения оказывается вытеснена. Даже если наука обращается, как ей кажется, к «причинам» страха, она всегда имеет дело с его следствиями. Отсюда возникает не только субстанциальный дуализм, но и два совершенно разных подхода в научно-рациональной картине мира, один из которых рассматривает деятельность аффектов в их «материальном» источнике, а другой – в их «идеальном» аспекте. Попытка окончательного снятия и разрешения этого противоречия содержит учение И. Канта в создании так называемого проекта Метафизики науки.

Научная картина мира стремится схватить знание визуально, устраняя любые страхи и сомнения на своем пути, заменив их объективным взглядом на вещи. Эмпиризм, на котором зиждется научный метод познания, направлен на установление ясности и отсылает к естественному свету познания, который освещает темноту неведения. Развивая свой проект просвещения, наука описывает объективное отношение вещей, выявляет закономерности и предпосылки явлений. Но не происходит ли так, что наука, объясняя феномены, сама оказывается ослеплена порождаемым ею светом?

Будучи вполне солидной доказательной и «материальной», наука обретает статус солидности и доказательности в перспективе объективной реальности природы. Однако не стоит возводить эту солидность в разряд образцовости и приложимости ко всем аспектам человеческого знания. Особенно если это знание претендует на описание человеческого аффекта, т. е. там, где восприятие имеет не одну причину, а следствия не носят вероятностный характер, который можно бы было просчитать путем логического обоснования.

У науки есть свой страх – это страх утраты своего объекта. Если исчезнет объект, исчезает и сама наука. От того уже в XIX веке, после постановки вопроса о различении наук, в научной картине мира возникают новые парадигмы, воспроизводящие этот объект в качестве субъекта. Мы говорим о психологии и о традиции, которая трактует страх как условный рефлекс, т. е. страх человека становится неотличим от внешнего раздражителя, с которым сталкивается всякий организм.

Возвращаясь к философской антропологии, мы напоминаем, что здесь феномен страха предстает в однобокой перспективе, вульгарного физикализма, и не учитывает индивидуальную экзистенцию мыслящего субъекта. Субъекта страха и его переживания, а переживание – это то место, из которого мыслит субъект. Так, путем радикального отказа от научной перспективы в поле антропологии появляется новая дисциплина, для которой объяснение феномена означает сведение данных к уже известной парадигме, поэтому она идет другим путем – толкования. Психоанализ задается вопросом, как вообще организована структура страха, а не упирается в его следствия с целью совершить возврат к причине? Отсюда рождается идея не говорить за человека о его аффектах и переживаниях, а позволить сказать ему тем самым локализовать его индивидуальную фобию.

«В наше отважное время мы не решаемся сказать пациенту, что он должен умереть, мы не решаемся позвать священника, боясь, что он умрет от ужаса, мы не решаемся сказать одному пациенту, что примерно в то же время другой умер от той же болезни. Пациента удаляют, сочувствие будет справляться о его состоянии, врач обещает как можно скорее предоставить таблицы и статистический обзор, чтобы можно было посчитать средние цифры. Ну а когда есть средние цифры, все объяснено» [18, с. 147–148].

Научная картина мира связана со страхом перед непостижимостью жизни. Она рационально объясняет мир, в котором живет человек, открывая те или иные законы природы, предлагая те или

иные концепции и прочие функционирования мира. Научно-технический прогресс показывает нам всю «силу и мощь» человеческого разума. Человек раздвигает пространственные границы своего бытия, постигая его суть и продвигаясь все дальше и дальше в своем знании. С другой стороны, «развитие сил техники и власти приводит к возникновению «человека-массы», мировоззрением которого становится конформизм» [19, с. 142]. Но в то же время, особенно в техногенной ситуации, понимает, что он теряет над собой контроль вследствие того, что не понимает мир. Появляется страх своих мыслей, т. к. теряется контроль над пространством, временем и жизнью.

В современном обществе человек становится деловым и интеллектуальным, более активным и функциональным, но при этом механичным, даже роботообразным, неспособным к сопереживанию и любви, отчужденным и теряющим чувство жизни. Говоря словами классика, меновой стоимостью становится все: личное достоинство человека, профессионализм врача, юриста, вдохновение поэта, человека науки и т. д. и не остается никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана», которые вытекают из преобразовательного-потребительского отношения человека к миру. Тотальная машинизация, выступающая в виде постепенного вытеснения человека из различных сфер деятельности, является одним из предсказуемых сценариев развития будущего. Все страхи, появившиеся в предшествующих картинах мира, вроде бы должны уйти. Однако человека начинают преследовать внутренние экзистенциальные страхи, которые становятся гораздо сильнее внешних, угрожающих человеку на каждом шагу (это, в частности, техногенные катастрофы, социальные опасности в виде терроризма, новые заболевания).

Таким образом, рассматривая внутренние и внешние страхи, мы можем говорить, что в картинах мира в истории культуры они различались и понимались по-разному: рационально или иррационально. Простейшая организация социального устройства больше подвержена страхам, порождаемым внешними причинами, т. е. боязнью. Усложняясь, социальная организация становится почвой для появления более сложных причин страхов, заставляющих человека задуматься над непостижимостью жизни, т. к. она утрачивает экзистенциальный и физиологический смысл. Человек в растерянности смотрит в будущее, теряет перед своими экзистенциальными страхами, которые уже совмещают в себе как внешние, так и внутренние причины. Однако он не задумывается над этими причинами, порождающими страхи, не пытается их понять и устранить.

Ссылки:

1. Захаров А.И. Дневные и ночные страхи у детей. СПб., 2000. 448 с.
2. Изард К. Психология эмоций. СПб., 2007. 464 с.
3. Там же.
4. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. 448 с.
5. Там же.
6. Достоевский Ф.М. Идиот [Электронный ресурс]. URL: <http://rulibrary.ru/dostoevskiy/idiot/1> (дата обращения: 12.08.2019).
7. Хайдеггер М. Указ. соч.
8. Кьеркегор С. Понятие страха / Пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. М., 2014. 224 с.
9. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма [Электронный ресурс]. URL: <https://fil.wikireading.ru/2430> (дата обращения: 20.04.2020).
10. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993, 2000. 480 с.
11. Фуко М. Лекции о Воле к знанию с приложением «Знание Эдипа». Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1970–1971 учебном году / Пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб., 2016. 351 с.
12. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию / Пер. с лат. и комм. С. Ошерова ; вступ. ст. Л. Сумм. М., 2009. 560 с.
13. Биbihин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2006. 416 с.
14. Спиноза Б. Этика / Пер. с лат. Н.А. Иванцова. СПб., 2017. 336 с.
15. Там же.
16. Спиноза Б. О Боге, человеке и его счастье: трактаты / Пер. с гол. ; под ред. А. Рубина ; пер. с лат. М. Лопаткина. СПб., 2018. 448 с.
17. Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М., 1989. 654 с.
18. Кьеркегор С. Указ. соч.
19. Касумов Т.К., Гасанова Л.К. Страхи в жизни и жизнь в страхе // Вопросы философии. М., 2014. № 1. С. 34–45.

Редактор: Шейхетова Ирина Александровна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович